

DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-43-80

Научная статья / Research paper

З.А. Кокошина*

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ОБОСТРЕНИЯ СИТУАЦИИ В АФГАНИСТАНЕ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт социально-политических исследований (обособленное подразделение)
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук» (ИСПИ ФНИСЦ РАН)
119333, Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1*

Регион Центральной Азии традиционно имеет особое значение для внешней политики России как в силу его экономического потенциала, так и, особенно, с точки зрения обеспечения национальной безопасности. Уже поэтому резкое обострение ситуации в Афганистане летом–осенью 2021 г., связанное со стремительным военным разгромом и последующим падением прозападного режима, а также с приходом к власти в стране движения «Талибан», признанного в России террористическим, не могло не вызвать серьезной озабоченности у российского руководства. События в Афганистане оказались в фокусе внимания и экспертного сообщества, вызвав целый шквал комментариев и прогнозов. Эти публикации, хотя и были подготовлены в «экстренном порядке», по горячим следам событий, базируются на опыте многолетних исследований и наблюдений. В данной статье предпринимается попытка зафиксировать и обобщить картину военно-политической ситуации в регионе Центральной Азии, какой ее застал новый кризис в Афганистане и какой она видится сейчас отечественным и зарубежным экспертам. В первой части дана характеристика позиций и интересов ряда важнейших региональных и внерегиональных субъектов международных отношений, оказывающих существенное влияние на развитие военно-политической ситуации в Центральной Азии. Во второй части рассмотрена реакция Российской Федерации на резкое обострение обстановки в Афганистане, сопровождавшее приход к власти там движения «Талибан». Наконец, в третьей части представлен обзор новейших экспертных комментариев и аналитических докладов, в которых предпринимается попытка оценить масштаб и возможные международные последствия этих

* Кокошина Злата Андреевна — научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: zлата.kokoshina77@gmail.com).

событий. Проведенное исследование позволяет приблизиться к пониманию перспектив развития региональной военно-политической ситуации в целом и вызовов, которые она таит для интересов национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: Афганистан, «Талибан», национальная безопасность России, страны Центральной Азии, ОДКБ, ШОС, терроризм, экстремизм, наркоторговля, военно-политическое сотрудничество, КНР, США.

Для цитирования: Кокошина З.А. Военно-политическая обстановка в Центральной Азии в контексте обострения ситуации в Афганистане // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13. № 4. С. 43–80. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-43-80.

Zlata A. Kokoshina

THE MILITARY-POLITICAL SITUATION IN CENTRAL ASIA IN THE CONTEXT OF THE GROWING INSTABILITY IN AFGHANISTAN

*Institute of Socio-Political Research
Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
6-1, Fotievoi str., Moscow, Russia, 119333*

The Central Asian region due to its economic potential and strategic significance has traditionally been of particular importance for Russia's foreign policy. It was therefore not surprising that a serious deterioration of the political situation in Afghanistan in summer-autumn 2021 caused by the military defeat and the subsequent collapse of the pro-Western regime followed by the seizure of power by the Taliban raised serious concern of the Russian leadership. The developments in Afghanistan have attracted an increasing attention of the expert community, prompting a flurry of comments and forecasts. Although many of these papers were published hastily, their assessments and conclusion were usually based on the long-term observations. This paper attempts to provide an overview of the military-political situation in the Central Asian region as it was caught by a new crisis in Afghanistan and as it is seen by both Russian and foreign experts. The first section outlines positions and interests of the key regional and non-regional actors that have a significant impact on the military-political situation in Central Asia. The second section examines the response of the Russian Federation to the

situation in Afghanistan after the Taliban took power. Finally, the third section provides an overview of the latest expert comments and reports that attempt to assess possible implications of those events for the regional military-political dynamics and the national security interests of the Russian Federation.

Keywords: Afghanistan, the Taliban, national security of Russia, the Central Asian countries, the Collective Security Treaty Organization, the Shanghai Cooperation Organization, terrorism, extremism, illegal drug trafficking, political-military cooperation, the PRC, the United States.

About the author: Zlata A. Kokoshina — Research Fellow at the Institute of Socio-Political Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (e-mail: zlata.kokoshina77@gmail.com).

For citation: Kokoshina Z.A. 2021. The military-political situation in Central Asia in the context of the growing instability in Afghanistan. *Moscow University Bulletin of World Politics*, vol. 13, no. 4, pp. 43–80. DOI: 10.48015/2076-7404-2021-13-4-43-80. (In Russ.)

К постановке проблемы

Особое значение государств Центральной Азии (ЦА) для интересов России обусловлено как их стратегическим положением, так и множеством экономических, политических и культурных связей с нашей страной, оставшихся со времен Советского Союза и Российской империи.

Центральноазиатские государства обладают значительными запасами сырьевых ресурсов, установление контроля над которыми со стороны внерегиональных игроков может нанести серьезный ущерб национальным интересам России. Особенно большое значение имеют огромные запасы углеводородов, прежде всего в Казахстане и Туркменистане. К тому же ЦА — это огромный регион, играющий важную роль в перспективных транспортных коридорах. С точки зрения интересов Российской Федерации следует отметить, что центральноазиатские страны — важный источник трудовых мигрантов (исчисляемых несколькими миллионами), от которых в значительной мере зависят ряд сегментов экономики РФ, особенно жилищно-коммунальное хозяйство и строительная индустрия. Значимость этого человеческого ресурса особенно остро стала ощущаться в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции.

В странах ЦА отмечается быстрый демографический рост: с момента распада Советского Союза население этих государств, по некоторым данным, увеличилось почти на 40%. Одновременно в регионе наблюдаются высокие темпы урбанизации: количество жителей городов возросло почти на 50% (за исключением, видимо, Туркменистана, о чем будет сказано далее)¹.

Эти процессы накладываются на объективные проблемы, в той или иной мере присущие всем странам региона, такие как нехватка пахотной земли, неравномерное экономическое развитие, высокий уровень безработицы, отток населения². Традиционно весьма острой, чреватой политическими конфликтами является проблема водных ресурсов и, следовательно, сотрудничества стран ЦА в этой сфере [Мубаракшин, 2014]. Кроме того, в последние годы наблюдается обострение пограничных споров, прежде всего между Таджикистаном и Киргизией, что усугубляется нестабильностью внутривнутриполитической обстановки, межэтническими конфликтами, а также нехваткой водных ресурсов³.

Центральноазиатские государства из числа бывших советских республик являются светскими, но в них традиционно важную роль играет исламский фактор, в том числе в его экстремистском выражении⁴ [Россия — Средняя Азия, 2011; Шукуралиева, Липинский, 2021].

Серьезные проблемы у стран ЦА как молодых государств имеются с национальной идентичностью. Это характерно в том числе для Казахстана, имеющего протяженную границу с Россией [Кадыржанов, Абдыкаимова, 2020]. Нередко обеспечение национальной идентичности обретает антироссийский характер (как отмечают, например, Р. Фахрутдинов и М. Мошкин, в конце августа 2021 г. руководство Узбекистана объявило 115 участников басмаческого движения, которые были репрессированы в СССР в 1920–1930-х годах, «борцами за национальную независимость», и такой шаг

¹ Данков А.Г. Центральная Азия: опасные мифы и реальные проблемы // Российский совет по международным делам (РСМД). 13.04.2017. Доступ: <https://russiancouncil.ru/news/lektsiya-artema-dankova-tsentralnaya-aziya-opasnye-mify-i-realnye-problemy/> (дата обращения: 20.06.2021).

² Там же. С. 1.

³ Там же.

⁴ Дубина А.Д. Россия и Средняя Азия // Международная жизнь. 19.04.2011. Доступ: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/447> (дата обращения: 25.06.2021).

можно рассматривать как дружественный в отношении талибов, но не России⁵).

Как указывает Ш. Содиков, Центральная Азия, являясь для нашей страны одним из важнейших геополитических регионов, который окружает южные рубежи России, «имеет печальный опыт кровопролитных конфликтов и гражданских войн»⁶. В особенности это относится к Таджикистану: в 1992–1997 гг. государство прошло через полномасштабную гражданскую войну, жертвами которой стали более 80 тыс. человек. Одной из причин этого конфликта было усиление влияния исламистов и их идей. Во многом благодаря международным посредникам было сформировано коалиционное правительство, в которое вошли и представители Партии исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ). Позднее она была законодательно запрещена⁷. Ценным стал опыт совместных действий России и стран ЦА в Таджикистане в 1993–1998 гг. в рамках миссии Коллективных миротворческих сил. В то время благодаря ей удалось защитить афгано-таджикскую границу силами подразделений погранвойск России, 201-й мотострелковой дивизии РФ, а также миротворческих батальонов Казахстана, Киргизии и Узбекистана⁸.

Из региона ЦА и в современных условиях исходит повышенная угроза нарастания деятельности исламистов, различных террористических, экстремистских организаций [Малышев, 2017]. Коллектив авторитетных ученых и специалистов во главе с академиком РАН В.В. Наумкиным отмечает, что «для России, являющейся многонациональным и многоконфессиональным, но светским государством, большое значение имеет сохранение в Центральной Азии исторически сложившейся, в том числе благодаря присутствию здесь Рос-

⁵ Фахрутдинов Р., Мошкин М. Талибы пригрозили Средней Азии дружбой // Институт стран СНГ. 07.09.2021. Доступ: <https://i-sng.ru/publikacii/taliby-prigrozili-sredney-azii-druzhb/> (дата обращения: 12.09.2021).

⁶ Содиков Ш.Д. Тенденции военно-политического сотрудничества России со странами Центральной Азии // МГИМО. 03.03.2015. Доступ: <https://mgimo.ru/about/news/experts/267609/> (дата обращения 20.06.2021).

⁷ Торин А. Станислав Притчин: в постсоветский период Таджикистан остается важным партнером России в вопросах безопасности // Международная жизнь. 15.09.2021. Доступ: <https://interaffairs.ru/news/show/31693> (дата обращения: 10.09.2021).

⁸ Гареев Ш.М. Чем для СНГ и России опасно усиление талибов // Независимая газета. 07.07.2021. Доступ: https://www.ng.ru/kartblansh/2021-07-07/3_8192_kartblansh.html (дата обращения: 19.07.2021).

сии, традиции секулярности политической власти и политических режимов». Далее авторы подчеркивают, что «даже гипотетическая исламская альтернатива для государств Центральной Азии представляется для России совершенно нежелательной». При этом «исламский радикализм угрожает безопасности не только центральноазиатских государств, но и России» в силу того, что «облегчает подпитку на российской территории (особенно на Северном Кавказе и в Поволжье) террористического подполья, а также сепаратистских сил, имеющих исламистскую окраску» [Интересы России в Центральной Азии, 2013: 43].

Серьезнейшей проблемой для региона является нарастающий поток наркотиков из Афганистана, который преимущественно направляется в Россию и страны ЕС. Каналы этого наркотрафика проходят по всей Центральной Азии. При этом, как отмечают А.З. Мусави и К.П. Курылев, «наркобизнес перешел в качественно новый разряд профессиональных занятий» [Мусави, Курылев, 2020: 41]. С. Притчин пишет о том, что наркотрафик «курируют очень высокоорганизованные группировки»; они в том числе используют лазейки на таджикско-киргизской границе, которая удобна для соответствующих перевозок⁹.

После распада СССР и возникновения новых суверенных государств Российская Федерация и страны ЦА приложили значительные усилия для формирования новых отношений, которые отвечали бы взаимным интересам. Много было сделано как в двустороннем, так и в многостороннем форматах.

С каждой из стран региона у России сложились весьма важные отношения в военно-политической сфере. Как отмечается на официальном сайте МИД РФ, Российская Федерация и центральноазиатские государства на протяжении многих лет являются партнерами «по привилегированному сотрудничеству в военно-политической, торгово-экономической и культурно-гуманитарной сферах», они сотрудничают в области обеспечения «общей безопасности государств Евразии с южного направления»¹⁰. В упомянутом ранее докладе группы авторов во главе с В.В. Наумкиным обоснованно говорится о том, что основные интересы России в ЦА в первую очередь об-

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Россия и Центральная Азия // МИД РФ. Доступ: <https://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii> (дата обращения: 19.03.2021).

условлены задачами обеспечения безопасности [Интересы России в Центральной Азии, 2013].

Как отмечают Н.П. Пархитко, К.П. Курылев и Д.В. Станис, создание в ЦА «некоего “буфера стабильности” по периметру южных границ России является неременным условием поддержания как региональной (для постсоветских стран региона), так и национальной (для России) безопасности» [Пархитко и др., 2020: 25]. Данные суждения следует признать тем более справедливыми с учетом существования многочисленных связей России с этими бывшими республиками СССР.

Важным фактором обеспечения безопасности в регионе является Организация Договора о коллективной безопасности — ОДКБ (ее члены — Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Армения и Белоруссия). За последние годы она провела значительное число учений, связанных прежде всего с парированием потенциальных угроз со стороны террористических экстремистских организаций. Среди таких учений — «Рубеж», «Взаимодействие», «Гром», «Кобальт», «Нерушимое братство». Под эгидой ОДКБ интенсивно ведется подготовка кадров в вузах в РФ (а также в Белоруссии, Казахстане и Армении) для силовых структур стран — членов организации. В ОДКБ имеется Центр кризисного реагирования, созданный в 2018 г.; сформированы Коллективные силы оперативного реагирования, Миротворческие силы, Коллективные авиационные силы [Кривопапов, 2021; Белобров, 2019; Кокошина, 2018b].

Большое значение имеет в регионе и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которой главная роль принадлежит России и Китаю. Эта организация в 2021 г. отмечает свое 20-летие. В нее помимо России, Китая и стран ЦА (Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия) входят также Индия и Пакистан, у которых непростая история двусторонних отношений. В государствах — членах ШОС проживает более 40% населения Земли и производится примерно четверть мирового ВВП. Среди участников организации — четыре ядерные державы. ШОС регулярно проводит как многосторонние, так и двусторонние учения спецслужб и правоохранительных органов (в рамках Региональной антитеррористической структуры ШОС), совместные пограничные операции, совместные антитеррористические учения «Мирная миссия» [Кокошина, 2016]. 17 сентября 2021 г. на саммите ШОС объявлено о рассмотрении создания Центра информационной безопасности ШОС, Центра по противодействию

международной организованной преступности, Антитеррористического центра ШОС и др.¹¹ При этом у стран-членов существуют и противоречия, и несовпадающие интересы [Кокошина, 2016]¹².

Существенную роль в поддержании стабильности в ЦА играет деятельность возглавляемого Россией интеграционного объединения — Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В него входят Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия.

Практически все страны региона, имея тесные связи с Российской Федерацией, придерживаются так называемой равновекторной политики, стараясь развивать отношения и с рядом других государств. Нередко это противоречит интересам России. Например, Казахстан, имея в лице Москвы основного партнера по военно-техническому сотрудничеству, приобретает вооружения и военную технику у Германии, Израиля, США, Турции, Украины, Франции, Южной Кореи и других стран [Пархитко и др., 2020: 27–28]. В целом за годы, прошедшие после распада СССР, перечисленные государства, а также КНР, Иран, Индия, Япония, страны ЕС, развили на постсоветском пространстве активную деятельность. Главным образом она концентрировалась в экономической сфере, но неизбежно оказывала влияние и на военно-политическую обстановку в ЦА.

Новое резкое обострение ситуации в Афганистане высветило всё это сложное переплетение зачастую разнонаправленных интересов региональных и внерегиональных игроков в Центральной Азии. В данной статье предпринимается попытка зафиксировать и обобщить картину военно-политической ситуации в регионе, какой ее застал международный кризис, связанный с приходом к власти в Афганистане движения «Талибан»¹³. В полной мере международные последствия этого события еще не успели проявиться, однако тем интереснее посмотреть на текущую обстановку в ЦА. Ее анализ может позволить приблизиться к пониманию и перспектив развития региональной военно-политической ситуации в целом, и тех

¹¹ Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС // ШОС. 17.09.2021. Доступ: <http://rus.sectsco.org/news/20210917/779142.html> (дата обращения: 20.09.2021).

¹² Нурибегов Р. Роль ШОС в современных международных отношениях: взгляд из Узбекистана // Международная жизнь. 12.04.2021. Доступ: <https://interaffairs.ru/news/show/29768> (дата обращения: 19.08.2021); Хакимов Б. ШОС и проблемы евразийской безопасности // Международная жизнь. 26.02.2021. Доступ: <https://interaffairs.ru/jauthor/num/2021/2> (дата обращения: 19.08.2021).

¹³ Террористическая организация, запрещена в Российской Федерации.

вызовов, которые она таит для интересов национальной безопасности Российской Федерации. Данное исследование будет опираться на ряд новейших докладов, обзоров и прогнозов, подготовленных ведущими зарубежными экспертно-аналитическими центрами. Как правило, эти публикации были подготовлены в «экстренном порядке», по горячим следам событий, но при этом базируются на опыте многолетних исследований и наблюдений.

Исходя из сказанного, представляется целесообразным выстроить изложение следующим образом: сначала будет дана характеристика позиций и интересов ряда важнейших региональных и внерегиональных субъектов международных отношений, оказывающих существенное влияние на развитие военно-политической обстановки в ЦА; затем будет рассмотрена реакция Российской Федерации на резкое обострение ситуации в Афганистане, сопровождавшее приход к власти там движения «Талибан»; в конце статьи будет представлен обзор новейших экспертных комментариев и аналитических докладов, в которых предпринимается попытка оценить масштаб и возможные международные последствия этих событий.

Военно-политическое присутствие Соединенных Штатов в регионе Центральной Азии

Начать представляется логичным с характеристики позиции Соединенных Штатов Америки, поскольку именно они несут основную ответственность за складывание той катастрофической внутриполитической, экономической и гуманитарной ситуации, которая наблюдается сейчас в Афганистане.

Страны ЦА традиционно являются объектом довольно пристального внимания ряда администраций США, некоторой части деловых кругов. Одна из важнейших задач, которую Вашингтон старается решить в регионе, — предотвращение сближения данных стран с Россией и Китаем, в том числе за счет торможения интеграционных процессов, возглавляемых РФ [Попов, 2016; Анашкина, 2021].

В 1990-е годы бывший помощник президента США по национальной безопасности и один из наиболее известных идеологов американской внешней политики того периода Збигнев Бжезинский назвал Евразию в целом «главным геополитическим призом» США после поражения Москвы в холодной войне и распада Советского Союза. З. Бжезинский считал необходимым для Вашингтона контролировать прежде всего ресурсы ЦА, «не претендуя на установление

политического доминирования, но при этом также не допуская и российского доминирования в регионе в русле общего принципа борьбы против России и, что немаловажно, против Ирана и Китая, которые тоже имеют в Центральной Азии свои понятные интересы» [Рыбкин, 2018: 183–184].

Основными объектами внимания американцев в ЦА считаются Узбекистан и Казахстан [Гегелашвили, 2021]. Важная для США задача — обеспечение контроля над определенной частью богатейших энергетических ресурсов региона (особенно Казахстана). Применительно к Таджикистану имеют место попытки ограничить влияние Ирана в этой стране¹⁴.

В военно-политической сфере особую активность США проявляют в Казахстане, в том числе за счет связей этой страны с НАТО. На протяжении больше 20 лет в Казахстане проходят учения с «Степной орел» с участием сил альянса. При помощи американских (и английских) инструкторов в стране в 2000 г. был создан батальон «Казбат» (предназначенный для миротворческих операций), который позднее трансформировался в полноценную бригаду «Казбриг». Военные специалисты из США и других государств НАТО активно работают в нескольких центрах подготовки личного состава вооруженных сил Казахстана¹⁵.

Бывший глава Роспотребнадзора, депутат Госдумы, врач-эпидемиолог Геннадий Онищенко заявил, что в Казахстане недалеко от Алматы действует самая современная в ЦА, построенная Пентагоном лаборатория, где «разрабатывают военные биологические рецептуры». По словам Г. Онищенко, «к гражданскому здравоохранению Казахстана это место никакого отношения не имеет. В США практически не скрывают, что ведут активную биологическую программу на территории Казахстана»¹⁶.

Как отмечает полковник К. Милов, странам, где размещаются такого рода американские объекты, оказывается «официальная помощь» в организации учета и безопасного хранения микробных

¹⁴ Земсков В.Н. Стратегия США в Центральной Азии // Центр военно-политических исследований МГИМО. Доступ: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/6529> (дата обращения: 19.07.2021).

¹⁵ Мухин В. В июле в Нур-Султане ждут силы НАТО // Независимая газета. 20.05.2021. Доступ: https://www.ng.ru/armies/2021-05-20/1_8153_nato.html (дата обращения: 19.07.2021).

¹⁶ Там же. С. 15.

коллекций, в реконструкции лабораторной базы, подготовке специалистов. Взамен Соединенные Штаты добиваются получения полного контроля над санитарно-эпидемиологической обстановкой в соответствующей стране и проводимыми там исследованиями. Американцы стремятся пополнять свои коллекции биоматериалов, изучать восприимчивость жителей к различным болезням и средствам их лечения, проводить испытания инновационных лекарственных препаратов на местном населении¹⁷.

Такого рода деятельность осуществляется в условиях острого противостояния России с США и НАТО, что хорошо известно в Нур-Султане. К сожалению, позиция Москвы по этому вопросу в Казахстане, по-видимому, не учитывается.

Ряд авторов отмечают, что в целом политика Вашингтона в ЦА — это одна из частей более общей евразийской стратегии США. Ее объектами помимо центральноазиатских стран являются также Каспийский и Кавказский регионы, Россия, Афганистан, Китай, Южная Азия и государства Ближнего и Среднего Востока [Тофан, 2016: 88].

С 2000-х годов страны ЦА приобрели особое значение для обеспечения деятельности группировки сил США и их союзников в Афганистане¹⁸. Обострение ситуации в этом государстве стало поводом для обращения администрации Д. Трампа к формату «С5+1» (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и США), созданного в 2015 г. для рассмотрения проблем в сфере экономики, экологии и безопасности¹⁹.

По сообщениям СМИ, США в 2021 г. стали рассматривать вариант переброски некоторой части своих сил из Афганистана в Узбекистан и Таджикистан (всё началось с публикации в газете *The Wall Street Journal*)²⁰. В американских СМИ речь шла о том, что Вашингтон

¹⁷ Милов К. Нарушение Соединенными Штатами Америки конвенций о запрещении химического и биологического оружия // *Зарубежное военное обозрение*. 2021. № 6. С. 34. Доступ: <https://zvo.ric.mil.ru/Numera/2/> (дата обращения: 19.06.2021).

¹⁸ Логинова К. Токсичные гости: почему США активизировались в Центральной Азии // *Известия*. 04.07.2020. Доступ: <https://iz.ru/1031239/ksenii-loginova/toksichnye-gosti-pochemu-ssha-aktivizirovalis-v-tcentralnoi-azii> (дата обращения: 19.07.2021).

¹⁹ Страны Центральной Азии и США отметили успех формата «С5+1» // ТАСС. 04.05.2021. Доступ: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11307235> (дата обращения: 19.07.2021).

²⁰ Вернутся ли военные базы США в Центральную Азию — подробности // *Sputnik Азербайджан*. 10.05.2021. Доступ: <https://az.sputniknews.ru/world/20210510/426921441/usa-aziya-azerbajjan-russia-china-baza.html> (дата обращения: 19.07.2021).

готовов обсуждать создание не баз, а объектов меньшего масштаба, например логистических, тренинговых (или антикризисных) центров²¹. Предполагалось, что такое базирование в этих странах позволит американским военным быстро вернуться в Афганистан «в случае необходимости»²². В ответ на публикацию в *The Wall Street Journal* последовала быстрая реакция Министерства обороны Узбекистана. Его представители заявили, что «военная база США не может быть размещена на территории республики», поскольку «этого не предусматривает ни оборонная доктрина, ни Конституция страны»²³.

О недопустимости такого развития событий предупредил директор Службы внешней разведки России С.Е. Нарышкин. Он не назвал конкретную страну, с которой попытались договориться США, но подчеркнул, что «правительство Соединенных Штатов Америки не хотело бы терять контроль над этой территорией и вынашивает намерения разместить хотя бы часть тех ресурсов, которые сегодня они имеют на территории Афганистана, в соседних странах. Мы понимаем и даже имеем информацию о том, что такие попытки предпринимаются и будут предприниматься. И очень рассчитываем, что не только партнеры, но и союзники по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) на такое не пойдут»²⁴.

У ряда стран Центрально-Азиатского региона существует весьма неоднозначный опыт по размещению у себя в начале 2000-х годов американских военных объектов. Так, после терактов 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке и Вашингтоне Соединенные Штаты убедили руководство Узбекистана выделить Пентагону бывший советский аэродром Карши-Ханабад, расположенный в 90 км от афганской границы. К 2002 г. на этой базе были размещены около 1300 американских военнослужащих. База сыграла немаловажную роль в американских военных действиях на территории Афганистана²⁵.

Однако такое сотрудничество имело свои пределы в силу ряда причин. По мнению редактора журнала «Арсенал Отечества»

²¹ Беленькая М., Кривошеев К. Вашингтону протянули базу помощи // *Коммерсантъ*. 17.07.2021. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/4907714> (дата обращения: 19.07.2021).

²² Там же. С. 23.

²³ Там же.

²⁴ Там же. С. 15.

²⁵ Гасюк А. Базы по соседству // *Российская газета*. 10.05.2021. Доступ: <https://rg.ru/2021/05/10/ssha-prigliadyvaiutsia-k-uzbekistanu-i-tadzhikistanu-dlia-razmeshcheniia-svoih-baz.html> (дата обращения: 19.07.2021).

В. Мураховского, «США своими же руками разрушили военное сотрудничество — фактически получив возможность создания на территории этой страны 20 лет назад полноценной военной базы, американцы от военных вопросов перешли к политическим, начали учить Ташкент, как проводить внутреннюю политику, за что и были изгнаны из страны»²⁶. Результатом таких действий, по словам В. Мураховского, стало появление в Конституции республики пункта «о невозможности размещения на территории Узбекистана каких-либо иностранных военных баз»²⁷.

В свое время значительную роль в войне США и их союзников и партнеров в Афганистане сыграла и американская авиабаза в Киргизии, в Манасе, которая была свернута в 2014 г. За неполные 13 лет деятельности этой базы через нее в Афганистан были доставлены 98% служивших там военных и гражданских специалистов из США и других стран НАТО. Общее число прошедших через эти базу военнослужащих и гражданских лиц составило более 5 млн человек.

Россия на протяжении длительного времени оказывала значительную поддержку силам НАТО, обеспечивая снабжение международной коалиции через свою территорию. Для США и их союзников был открыт так называемый северный коридор для трансполярных полетов тяжелых транспортных самолетов C-5M Super Galaxy²⁸. Тогда Москва также не возражала против развертывания американской военной инфраструктуры в ЦА²⁹.

Официально численность американского контингента к началу его вывода из Афганистана составляла 2500 человек, хотя, по некоторым данным, — на 1000 человек больше (на пике операции в 2010–2013 гг. группировка США и их западных партнеров в Афганистане превышала 150 тыс. человек). Кроме того, там располагались более 7000 военнослужащих других стран — партнеров Вашингтона по коалиции,

²⁶ Литовкин Д. Узбекистан и Таджикистан становятся новыми точками противостояния Вашингтона и Пекина // Независимая газета. 10.05.2021. Доступ: https://www.ng.ru/cis/2021-05-10/5_8143_confrontation.html (дата обращения: 19.07.2021).

²⁷ Там же. С. 28.

²⁸ Лизан И. Американцы наконец уходят с киргизской авиабазы. Как они отомстят нам // Военное обозрение. 03.06.2014. Доступ: <https://topwar.ru/50844-amerikancv-nakonec-uhodvat-s-kirgizskov-aviabazv-kak-oni-otomstyat-nam.html> (дата обращения: 19.07.2021).

²⁹ Картунов А.В. Афганистан как стресс-тест для ШОС // РСМД. 15.06.2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/afganistan-kak-stress-test-dlya-shos/> (дата обращения: 12.07.2021).

большую часть которых составляли военные из государств НАТО³⁰. Как огласил 8 июля 2021 г. Дж. Байден, США за примерно 20 лет действий в Афганистане потратили около 1 трлн долларов (в том числе на подготовку сотен тысяч афганских военнослужащих и сотрудников в сфере национальной безопасности). Соединенные Штаты за это время потеряли 2448 человек убитыми и 20 722 ранеными³¹. Силловые структуры Афганистана к моменту вывода войск США и их партнеров официально насчитывали 300 000 человек, которым, по американским оценкам, противостояли 75 000 талибов³².

После полной победы «Талибана» в середине августа 2021 г. многие американские авторы стали высказывать сомнения относительно того, что афганская армия достигала таких размеров. Эксперты говорили о том, что чуть ли не большая часть батальонов этой армии существовала только на бумаге. Отмечалось, что военные и политики США и НАТО многие годы приукрашивали положение в афганских силовых структурах и в Афганистане в целом, недоучитывали исключительно высокий уровень коррупции в этой стране и проблему наркотрафика [Cordesman, 2021].

Политические и экономические интересы и позиции КНР в Центральной Азии

В контексте рассматриваемых проблем нельзя обойти вниманием и существенно возросшую активность Китая в регионе. Расширяя свое влияние в странах ЦА, Пекин основную ставку делает на экономические рычаги: торговлю, инвестиции, инфраструктурные проекты, кредиты³³. Благодаря высоким темпам экономического роста, огромным объемам своей экономики КНР имеет «неоспоримые пре-

³⁰ Missy R., DeYoung K. Biden will withdraw all U.S. forces from Afghanistan by Sept. 11, 2021 // The Washington Post. 13.04.2021. Available at: https://www.washingtonpost.com/national-security/biden-us-troop-withdrawal-afghanistan/2021/04/13/918c3cae-9beb-11eb-8a83-3bc1fa69c2e8_story.html (accessed: 12.08.2021).

³¹ Remarks by President Biden on the drawdown of the US Forces in Afghanistan // The White House. 08.07.2021. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/07/08/remarks-by-president-biden-on-the-drawdown-of-u-s-forces-in-afghanistan/> (accessed: 19.07.2021).

³² Ibid. P. 33.

³³ Воробьев А.В. Китай и Центральная Азия: растущая дружба под боком России // РСМД. 04.07.2017. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kitay-i-tsentralnaya-aziya-rastushchaya-druzhba-pod-bokom-rossii/> (дата обращения: 19.06.2021).

имущества» перед всеми другими странами, пытающимися воздействовать на положение дел в ЦА. Отмечается, что Китай «претендует на экономическое и в перспективе — культурное доминирование в регионе, что облегчается как географической близостью к региону, так и экономическим потенциалом КНР» [Пархитко и др., 2020: 27–28].

Китай уже на протяжении 10 лет занимает лидирующие позиции по темпам роста прямых инвестиций в страны ЦА и объемам предоставленных кредитов; по ряду оценок, увеличивается долговая зависимость государств региона. Как отмечает С. Притчин, Пекин проводит весьма жесткую кредитно-денежную политику: Таджикистан, например, в счет долга КНР вынужден был отдать китайской компании свои золоторудные месторождения³⁴.

По оценкам некоторых специалистов, после распада СССР Китай выдвигал территориальные претензии к странам ЦА относительно примерно 1/5 их территорий. В том числе, как отмечается в материалах Российского совета по международным делам, Пекин претендовал на «регион, простиравшийся от Семиречья до озера Балхаш в Казахстане, почти весь Кыргызстан и Памирский район Таджикистана»³⁵. Ряд авторов указывают, что в связи с повышенной экономической активностью КНР в Киргизии, Казахстане, Таджикистане возрастают синофобские настроения [Лексютина, 2020: 11].

Китай выстраивает свои отношения со странами ЦА в том числе в рамках инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП). Как считает А. Виноградов, это «бросает вызов» интеграционным усилиям России на постсоветском пространстве, которые в значительной мере связаны с развитием ЕАЭС. По оценке этого автора, сопряжение данного объединения и Экономического пояса Шелкового пути «не успевает за развитием двустороннего сотрудничества Китая со странами Центральной Азии», что «ослабляет организационную роль России в интеграционных процессах» [Виноградов, 2021: 6, 15].

Нельзя не отметить гигантский объем ресурсов, которые выделяет и будет выделять Китай на ОПОП. По ряду оценок, общие затраты на этот мегапроект могут составить 4–8 трлн долл. «“Один пояс — один путь” — крупнейший глобальный геоэкономический

³⁴ Там же. С. 8.

³⁵ Бредихин А.В. Аренда земли и территориальные претензии Китая в Центральной Азии и на Южном Кавказе // РСМД. 20.06.2020. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/arenda-zemli-i-territorialnye-pretenzii-kitaya-v-tsentralnoy-azii-i-na-yuzhnom-kavkaze/> (дата обращения: 21.06.2021).

проект за всю историю существования мировой экономики» [Хейфец, Степанов, 2019: 34].

С военно-политической точки зрения для Китая важно сотрудничество с государствами ЦА (в том числе в рамках ШОС) в области сдерживания экстремизма и обеспечения региональной стабильности. Пекин серьезно обеспокоен активизацией в последние годы исламистов и распространением в Казахстане и Киргизии радикальных идей. Это связано с ситуацией в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, где проживает преимущественно мусульманское население³⁶.

На этом фоне примечательна реакция КНР на события в Афганистане. По сообщению сайта «Фергана», в конце июля — начале августа 2021 г. Пекин обещал поддержать правительство талибов в процессе восстановления стабильности в Афганистане, взамен требуя от них прекратить какое-либо сотрудничество с сепаратистской организацией «Исламское движение Восточного Туркестана» (запрещена в России). При этом, по ряду оценок, некоторое время назад талибы фактически были спонсорами этой организации, целью которой было декларировано создание в Синьцзяне независимого государства уйгуров — исламского эмирата³⁷. Указывается также, что для Китая весьма важно реализовать в Афганистане инфраструктурные проекты, особенно в рамках концепции «Нового шелкового пути», с целью обеспечить надежный доступ в регион Персидского залива; говорится о том, что Пекин может начать реализовывать такие проекты даже без дипломатического признания режима талибов³⁸.

Официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин заявила 16 августа 2021 г., что ситуация в Афганистане претерпела огромные изменения и Китай уважает волю и выбор афганского народа. Она также сообщила, что талибы неоднократно выражали надежду на развитие хороших отношений с Пекином и отмечали, что очень надеются на участие Китая в восстановлении и развитии своей страны, а также то, что они обещают не давать использовать территорию Афганистана каким-либо силам для создания угрозы КНР³⁹.

³⁶ Там же. С. 37.

³⁷ Рыбин А. Китай сделал талибам «уйгурское предупреждение» // Фергана. 02.08.2021. Доступ: <https://fergana.media/articles/122563/> (дата обращения: 19.08.2021).

³⁸ Лакстыгал И. Могут ли «Талибан» признать в качестве новых властей Афганистана // Ведомости. 24.08.2021. Доступ: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2021/08/23/883246-mogut-taliban> (дата обращения: 27.08.2021).

³⁹ МИД КНР: Китай уважает выбор афганского народа и призывает к плавному переходу в стране // Жэньминь жибао. 16.08.2021. Доступ: <http://russian.people.com.cn/n3/2021/0817/c31521-9884701.html> (дата обращения: 19.08.2021).

Представители руководства талибов с энтузиазмом приветствовали то, что они восприняли как готовность Пекина «инвестировать и восстановить» Афганистан⁴⁰. В публикации Международного института стратегических исследований риски для инвестиций Китая в горнодобывающую промышленность Афганистана оцениваются исключительно высоко. Ряд экспертов полагают, что КНР может оказаться вовлеченной в длительный вооруженный конфликт⁴¹. Отмечается, что Китай (часто совместно с Пакистаном) неоднократно пытался в последние годы содействовать процессу национального примирения в Афганистане с участием движения «Талибан» [Замаева, 2019]. Китайское агентство «Синьхуа» сообщило о том, что один из руководителей «Талибана» Забихулла Муджахид заявил о готовности избавить Афганистан от наркотиков при условии, что международное сообщество поможет стране в освоении других культур⁴². Можно заметить, что это очень трудновыполнимое условие.

Безопасность Центральной Азии и интересы региональных игроков

Помимо переплетения интересов указанных глобальных игроков безопасность ЦА всё больше зависит от деятельности региональных держав. В контексте обострения ситуации в Афганистане особого рассмотрения заслуживают позиции Турции и Ирана.

В лице новых суверенных государств ЦА, возникших после распада СССР, на постсоветском пространстве появились образования, близкие к Турции в этническом, языковом и религиозном отношении (Узбекистан, Туркменистан, Киргизия, Казахстан). Это способствовало тому, что «Турция приступила к формированию своей новой идентичности как лидера тюркского общества»⁴³, что стало важной

⁴⁰ Chausovski E. China and Russia have a shared playbook for Afghanistan // Foreign Policy. 13.09.2021. Available at: <https://foreignpolicy.com/2021/09/13/china-russia-shared-playbook-afghanistan/> (accessed: 20.09.2021).

⁴¹ Nouwens M. Adapting to a new reality in Afghanistan // International Institute for Strategic Studies. 20.08.2021. Available at: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2021/08/afghanistan-taliban-region-response> (accessed: 21.08.2021).

⁴² Талибы намерены сформировать в Афганистане инклюзивное правительство // Синьхуа новости. 17.08.2021. Доступ: http://russian.news.cn/2021-08/18/c_1310133176.htm (дата обращения: 19.08.2021).

⁴³ Кудряшова Ю.С. Взаимодействие Турции со странами Центральной Азии // МГИМО. 27.10.2009. Доступ: <https://mgimo.ru/about/news/experts/124764/> (дата обращения: 20.08.2021).

составляющей идеологии и политической практики пантюркизма, обращенной, опять же, прежде всего к странам ЦА и к российскому Поволжью [Карякин, 2020]. В начале 1990-х годов руководство Турции ставило вопрос о создании тюркского мира «от Адриатического моря до Великой китайской стены» [Шлыков, 2017: 60].

У многих турецких государственных руководителей и политиков появилось стремление заполнить образовавшийся после распада Советского Союза «идеологический вакуум». Анкара усиленно пропагандировала в странах ЦА так называемую турецкую модель развития. Государства региона остро нуждались не только в техническом содействии, но и в финансовой помощи. Турция попыталась воспользоваться ситуацией, выделив в 1992–1993 гг. центральноазиатским государствам кредиты на 1,2 млрд долл. Однако, как отмечают Э.О. Касаев и В.И. Кононов, позднее наступило разочарование, поскольку турецкая сторона «осознала, что ее ресурсов не хватает для того, чтобы “тянуть на себе” экономики новых независимых государств»⁴⁴. Турция в силу ограниченности своих экономических возможностей не могла постоянно оказывать на значительном уровне помощь «братским народам»⁴⁵. Это привело к тому, что ее активность в большинстве стран региона на какое-то время снизилась. Турецкие проекты в ЦА стали более приземленными и ограниченными [Кудаяров, 2018].

Такого рода экспансионистские идеи вернулись в повестку дня внешней политики Турции в середине 2010-х годов, но более приоритетным объектом этой политики выступало уже ближневосточное, а не постсоветское пространство [Шлыков, 2019: 92].

В регионе ЦА Турция в последние годы сосредоточила свои усилия не столько на тюркоязычных странах, сколько на более близком ей географически Азербайджане, оказав ему в том числе значительную военную и военно-техническую помощь. Это в немалой степени способствовало победе, которую одержал Азербайджан над Арменией в 2020 г. в Нагорном Карабахе.

Немаловажную роль в этой победе сыграли разведывательно-ударные дистанционно пилотируемые летательные аппараты (дроны) турецкой разработки и производства, против которых

⁴⁴ Касаев Э.О., Кононов В.И. Турция: новая роль в современном мире // ИМЭМО РАН. Доступ: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2012/2012_001_turkish.pdf (дата обращения: 20.07.2021).

⁴⁵ Там же. С. 45.

оказалась практически бессильной система противовоздушной обороны Армении, имевшаяся в Нагорном Карабахе [Зарудницкий, 2021: 36]. В этой связи логично ожидать, что такие турецкие дроны могут быть предложены Анкарой для приобретения тем или иным центральноазиатским странам.

К этому располагает и некоторая активизация действий Турции в ЦА по военно-политическому направлению, наблюдаемая в последние годы, в частности в Киргизии и Таджикистане. Киргизия была объявлена министром национальной обороны Турции Хилуси Абаром «важным партнером». Было сказано, что Анкара готова углублять военное и военно-техническое сотрудничество с Таджикистаном, а также делиться с обеими странами опытом в области обеспечения безопасности границ и борьбы с терроризмом. Речь идет, в частности, об увеличении масштабов обучения Турцией киргизских военных специалистов. Готовность Бишкека к такому сотрудничеству, особенно с учетом растущих угроз в связи с новой ситуацией в Афганистане, отметил президент Киргизии Садыр Жапаров⁴⁶. Ранее турецкий министр обороны побывал в Нур-Султане и Ташкенте⁴⁷.

В целом можно согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что Турция остается «вторичным» актором в ЦА [Emre Sucu et al., 2021].

Исламская Республика Иран также проявляет к странам региона постоянный интерес, в том числе в контексте ситуации в Афганистане. Тегеран обладает значительным экономическим и технологическим потенциалом и активными внешнеполитическими устремлениями в ЦА. Иранское руководство придает особое значение контактам со странами региона в культурно-идеологической сфере, используя в том числе иранские культурные центры на их территории⁴⁸.

На фоне напряженных отношений ИРИ с рядом арабских монархий и серьезных проблем с США усиление ее позиций в ЦА означает возмож-

⁴⁶ Панфилова В. Турция защитит Киргизию и Таджикистан от афганских радикалов // Независимая газета. 01.07.2021. Доступ: https://www.ng.ru/cis/2021-07-01/1_8188_turkey.html (дата обращения: 09.07.2021).

⁴⁷ Панфилова В. Анкара ищет союзников в карабахской войне // Независимая газета. 27.10.2020. Доступ: https://www.ng.ru/cis/2020-10-27/1_8000_ankara.html (дата обращения: 20.07.2021).

⁴⁸ Мехдиев Э. Стратегические интересы Ирана в Центральной Азии на современном этапе // Фонд Горчакова. 22.12.2015. Доступ: <https://gorchakovfund.ru/news/view/elnur-mekhdiev-strategicheskie-interesy-irana-v-tsentralnoy-azii-na-sovremennom-etape/> (дата обращения: 27.07.2021).

ность приобретения новых партнеров, налаживания новых экономических связей и облегчения международной изоляции [Грозин, 2020: 107]. Как отмечает профессор И.Д. Звягельская, развивая взаимоотношения с центральноазиатскими государствами, Иран «на первое место ставит прагматические интересы и не претендует на лидерство». На иранский курс в отношении стран ЦА практически не оказывала влияние смена лидеров соответствующих государств, у него не было резких поворотов и он не носил конфронтационного характера. Напротив, подход руководства ИРИ к взаимоотношениям со странами ЦА, считает И.Д. Звягельская, всегда был «рационалистичным и сдержанным»⁴⁹.

Немаловажным фактором такого поведения Ирана в регионе является то, что он активно взаимодействует с этими странами в рамках ШОС, признавая, по-видимому, то, что в этой организации ведущая роль принадлежит России и Китаю⁵⁰.

Приход к власти в Афганистане движения «Талибан» и интересы национальной безопасности России

Более 20 лет США вели в Афганистане войну против «Аль-Каиды»⁵¹ и движения «Талибан», которая так и не привела к решающей победе Вашингтона и его союзников. Несмотря на это, администрация Дж. Байдена объявила о полном выводе американских войск из Афганистана к 1 сентября 2021 г.

В этих условиях в августе талибы нанесли сокрушительное и стремительное поражение правительственным силам Афганистана и захватили столицу — Кабул. США, Великобритания и ряд других государств в момент захвата талибами Кабула осуществили полную эвакуацию своих дипмиссий⁵². Для этого администрация Дж. Байдена в экстренном порядке направила в афганскую столицу несколько тысяч морских пехотинцев и десантников. Россия, Китай и Пакистан эвакуировать свои посольства не стали.

⁴⁹ Звягельская И.Д. В поисках точки опоры: Иран в Центральной Азии // РСМД. 12.11.2014. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-poiskakh-tochki-opory-iran-v-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 25.07.2021).

⁵⁰ Там же. С. 41.

⁵¹ Террористическая организация, запрещена в Российской Федерации.

⁵² США отслеживают угрозы террористов при эвакуации из аэропорта Кабула // Известия. 23.08.2021. Доступ: https://iz.ru/1210977/2021-08-23/ssha-otslezhivaiut-ugrozy-terroristov-pri-evakuacii-iz-aeroporta-kabula?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1629678432000 (дата обращения: 23.08.2021).

Такой исход американского присутствия в Афганистане не стал неожиданным для многих зарубежных и отечественных экспертов и политиков; поражающей была только быстрота свершившегося. США делали ставку на политический процесс примирения властей в Кабуле и движения «Талибан», что полностью не оправдалось.

В этих условиях в российском экспертном и академическом сообществе развернулись активные дискуссии относительно оценки возможных последствий победы талибов для интересов национальной безопасности Российской Федерации, в частности, с точки зрения усиления террористической угрозы.

Некоторые отечественные и зарубежные эксперты отмечают, что не следует рассматривать талибов как экспансионистскую силу, поскольку они, скорее всего, не предпримут наступательных действий в отношении соседей. В частности, спецпредставитель президента РФ по Афганистану Замир Кабулов высказал мнение, что присутствие талибов в северных провинциях страны служит защитой от появления в ЦА других террористических группировок, которые конфликтуют с талибами⁵³.

Вместе с тем известный специалист А. Казанцев обращает внимание на тесные связи наиболее радикального крыла северо-кавказских боевиков с «Талибаном» через «Аль-Каиду», которая активно участвовала в обеих чеченских войнах⁵⁴. Обозначается новая связка между воевавшими против России в Сирии боевиками (включая выходцев с постсоветского пространства) и Афганистаном через подразделение «Исламского государства» («ИГ»)⁵⁵ в этой стране — «Исламское государство — Хоросан»⁵⁶.

Авторитетный российский ученый К. Семёнов пишет о том, что «Талибан» действительно не призывает к джихаду за пределами Афганистана. Однако талибы могут использовать «мягкую силу» (исламизма) в ЦА, на Северном Кавказе, в Поволжье. Препятствием

⁵³ Панфилова В. Россия не исключает бомбежки боевиков // Независимая газета. 09.08.2021. Доступ: https://www.ng.ru/cis/2021-08-09/5_8220_asia.html (дата обращения: 19.08.2021).

⁵⁴ Казанцев А.А. Кризис с Афганистане: проблемы безопасности России и стран Центральной Азии // РСМД. 10.08.2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/krizis-v-afganistane-problemy-bezopasnosti-rossii-i-stran-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 12.09.2021).

⁵⁵ Террористическая организация, запрещена в Российской Федерации.

⁵⁶ Террористическая организация, запрещена в Российской Федерации.

для них на этом пути может стать нехватка средств — у талибов нет и не предвидится появления финансовых возможностей тех же монархий Персидского залива. В этой связи К. Семёнов говорит о том, что в ЦА угрозу прежде всего представляет не возможность прямого вторжения сил «Талибана» или отдельных отколовшихся от него более радикальных элементов, но пример, который талибы создали своими успехами⁵⁷.

Как отмечает российский эксперт А. Кадомцев, «в случае провала попыток быстрой стабилизации внутренней ситуации новые афганские власти вполне могут решить, что экспорт радикализма является наилучшим способом как канализировать недовольство населения, так и приглушить существующие разногласия между полевыми командирами»⁵⁸. Он также говорит о вероятности возврата в Афганистане к хаосу и внутреннему противостоянию 1990-х⁵⁹.

Так или иначе, стремительность, с которой развивались события в Афганистане, и масштаб сопровождавших их экономических, социальных и политических потрясений уже поставили перед странами региона целый ряд острых проблем, требующих безотлагательного решения.

Ситуация усугубляется угрозой массового исхода беженцев из Афганистана в государства ЦА (а также в Иран), откуда они могут направляться и в другие страны, включая Россию⁶⁰. В этом потоке могут оказаться и представители экстремистских и террористических группировок, действующих на территории Афганистана. Возникает также опасность перемещения в Афганистан нескольких тысяч обученных и имеющих опыт ведения военных действий боевиков — выходцев из Узбекистана, Таджикистана, Казахстана и Киргизии, из Ближневосточного региона⁶¹. Глава МИД РФ С.В. Лавров

⁵⁷ Семёнов К. Роль и место движения «Талибан» на карте мирового исламизма, его вызовы и угрозы // РСМД. 02.09.2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-i-mesto-dvizheniya-taliban-na-karte-mirovogo-islamizma-ego-vyzovu-i-ugrozu/> (дата обращения: 20.09.2021).

⁵⁸ Кадомцев А. Новая власть в Афганистане и соотношение сил в Южной Азии // РСМД. 15.09.2021. Доступ: <https://russiancouncil.ru/blogs/andrey-kadomtsev/novaya-vlast-v-afganistane-i-sootnoshenie-sil-v-yuzhnoy-azii/> (дата обращения: 19.09.2021).

⁵⁹ Там же. С. 60.

⁶⁰ Путин предупредил об афганских беженцах, которые поедут на ослах по степи // РБК. 22.08.2021. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/22/08/2021/612230e29a7947025b9fd474> (дата обращения: 22.08.2021).

⁶¹ Гареев Ш. Указ. соч.

отметил в этой связи, что в Афганистане «образуются ниши, куда стягиваются боевики не талибов, а “Исламского государства”»⁶². Но даже если абстрагироваться от угрозы инфильтрации террористов, появление большого числа беженцев из Афганистана в странах ЦА усугубит их и без того серьезные экономические, социальные и политические проблемы.

В этих условиях руководство Российской Федерации приняло решение провести в Москве переговоры с представителями движения «Талибан», несмотря на то что эта организация запрещена в РФ⁶³. Пресс-секретарь российского президента Д. Песков заявил в связи с этим, что контакты с талибами «необходимы на фоне того, как напряженно развивается ситуация в Афганистане»⁶⁴. Как показали последующие события, это была полностью оправданная позиция.

В ходе этих переговоров в Москве в июле 2021 г., по словам З. Кабулова, талибам еще раз напомнили, что Россия и всё международное сообщество против создания в Афганистане исламского эмирата. Представители «Талибана» в свою очередь гарантировали, что афганская территория не будет использоваться как плацдарм для действий, направленных против соседних стран, включая Россию⁶⁵.

Новые реалии ситуации в Афганистане вызвали серьезные опасения союзников Российской Федерации по ОДКБ. Это отмечал и министр обороны РФ С.К. Шойгу на экстренной встрече глав военных ведомств стран — членов ШОС в Душанбе 28 июля 2021 г.⁶⁶

Особую обеспокоенность военных и гражданских экспертов в условиях дестабилизации Афганистана вызывает ситуация в Турк-

⁶² Лавров сообщил о возросшей в Афганистане террористической угрозе из-за ИГ // РБК. 08.07.2021. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/08/07/2021/60e66fa29a7947c56304879c> (дата обращения: 19.07.2021).

⁶³ Зачем в Москву приезжала делегация запрещенного в России «Талибана» // РБК. 09.07.2021. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/09/07/2021/60e82fc69a7947693f4f9c91> (дата обращения: 19.07.2021).

⁶⁴ Кремль объяснил переговоры с запрещенным в России «Талибаном» // РБК. 09.07.2021. Доступ: <https://www.rbc.ru/society/09/07/2021/60e815229a79475acaa9d056> (дата обращения: 19.07.2021).

⁶⁵ В МИД России объяснили переговоры с талибами // РБК. 14.07.2021. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/14/07/2021/60ee6c9b9a794710894aef21> (дата обращения: 19.07.2021).

⁶⁶ Гаврилов Ю. Шойгу: ситуация по периметру стран ШОС имеет тенденцию к обострению // Российская газета. 28.07.2021. Доступ: <https://rg.ru/2021/07/28/shojgu-situaciia-po-perimetru-stran-shos-imeet-tendenciuu-k-obostreniiu.html> (дата обращения: 10.08.2021).

менистане. Она имеет в том числе демографическое измерение. По данным ряда источников, реальная численность населения страны на начало 2021 г. значительно сократилась. Причинами кризиса в демографической сфере называют резкое ухудшение социально-экономической ситуации, массовую безработицу, масштабную коррупцию и др. Это привело к массовой миграции жителей Туркменистана, что создает серьезные проблемы для обеспечения безопасности страны, комплектования ее вооруженных сил и других силовых структур⁶⁷. При этом Туркменистан имеет протяженную и плохо охраняемую границу с Афганистаном, что привлекательно для наркоторговцев. Из Туркменистана наркотики попадают в Россию и другие государства⁶⁸.

Кроме того, серьезные опасения у многих экспертов вызывает политическая и социальная нестабильность в Киргизии. Как отмечают Р. Зверев и И. Савин, геополитическое значение этой страны невелико, поскольку ее природно-ресурсный потенциал ограничен и республика отдалена от основных транспортных путей Азии [Зверев и др., 2018: 106]. Тем не менее на протяжении многих лет она испытывает значительные экономические трудности. Много раз менялась Конституция Киргизии — в 1994, 1996, 1998, 2001, 2003, 2007, 2010 и 2016 гг. Неоднократно в стране досрочно происходила смена власти, в том числе путем «цветных революций». В Киргизии происходят межэтнические конфликты, острая борьба кланов за власть [Блохина, 2017; Малышев, 2011]. По некоторым оценкам, страна является наиболее «хрупкой» из всех государств этого региона [Морозов, 2020].

Непростые отношения сложились у Киргизии с соседним Таджикистаном; между этими странами вспыхивают пограничные конфликты, сопровождающиеся перестрелками и гибелью людей.

Для парирования потенциальных угроз, связанных с обстановкой в Афганистане, Россия и ряд ее партнеров приняли целый ряд мер военного характера. На горном полигоне «Тезмез» в конце июля 2021 г. прошли совместные учения вооруженных сил Узбекистана и России. В них приняли участие 1500 военнослужащих и 300 ед.

⁶⁷ Панфилова В. Туркменистан загнали в демографическую яму // Независимая газета. 05.07.2021. Доступ: https://www.ng.ru/cis/2021-07-05/1_8190_turkmenistan.html (дата обращения: 19.07.2021)

⁶⁸ Фёдорова О., Чингин А. Наркотическая ситуация и антинаркотическая политика // Туркменистан. 2014. № 13. С. 10. Доступ: <https://rm.coe.int/-/168075f301> (дата обращения: 19.07.2021).

техники⁶⁹. В начале августа 2021 г. прошли учения «Мирная миссия — 21» вооруженных сил России, Узбекистана и Таджикистана⁷⁰. С.К. Шойгу заявил, что в рамках этих учений отрабатывались практические действия по ведению воздушной разведки, охране объектов, уничтожению бандформирований. В учениях были задействованы более 2500 военнослужащих и 500 ед. техники, в том числе 1800 российских военных, в основном из подразделений 201-й российской военной базы в Таджикистане, в том числе транспортно-боевые вертолеты Ми-8 и ударные Ми-24⁷¹. В качестве наблюдателей на учениях присутствовали представители стран — членов ШОС⁷².

В условиях нарастания региональной напряженности 23 августа 2021 г. состоялась внеочередная сессия Совета коллективной безопасности ОДКБ на высшем уровне (в форме видеоконференции) под председательством президента Таджикистана Эмомали Рахмона. В мероприятии принял участие и президент Узбекистана (не входящего в ОДКБ) Шавкат Мирзиёев. На сессии отмечалось, что важно не допускать инфильтрации исламизма на территорию стран — членов ОДКБ. В.В. Путин и другие участники заседания выразили острую озабоченность деятельностью «ИГ» в Афганистане, которое сохраняет там заметные позиции⁷³.

На саммите ШОС в Душанбе 17 сентября 2021 г. лидеры России, Китая, Пакистана и Узбекистана говорили о необходимости взаимодействовать с новой властью в Кабуле⁷⁴. Противниками этого

⁶⁹ По стойке смирно: ВС Узбекистана и России проводят военные учения на полигоне «Термез» // Sputnik Узбекистан. 03.08.2021. Доступ: <https://uz.sputniknews.ru/20210803/po-stoyke-smirno-vs-uzbekistana-i-rossii--provodyat-voennye-ucheniya-na-poligone-termez-19932150.html> (дата обращения: 07.08.2021).

⁷⁰ Степанов А. Учения российских и узбекских военных прошли рядом с афганской границей // Российская газета. 08.08.2021. Доступ: <https://rg.ru/2021/08/08/ucheniia-rossijskih-i-uzbekskih-voennyh-proshli-riadom-s-afganskoj-granicej.html> (дата обращения: 16.08.2021).

⁷¹ Строкань С. Наука поджидать // Коммерсантъ. 05.08.2021. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/4928932> (дата обращения: 07.08.2021).

⁷² Литовкин Д. На границу с Афганистаном перебросили дополнительные силы // Независимая газета. 03.08.2021. Доступ: https://www.ng.ru/armies/2021-08-03/7_8215_afghanistan.html (дата обращения: 07.08.2021).

⁷³ Томиленко М. Совместно реагировать на принципиальные угрозы // Красная звезда. 25.08.2021. Доступ: <http://redstar.ru/sovместno-reagirovat-na-potentsialnye-ugrozy/> (дата обращения: 27.08.2021).

⁷⁴ Саммит единомышленников: как ШОС поступит в отношении Афганистана? // Sputnik Таджикистан. 17.09.2021. Доступ: <https://tj.sputniknews.ru/20210917/scos-afghanistan-measures-1042344115.html> (дата обращения: 17.09.2021).

выступили Индия и Таджикистан, а также Иран (в отношении последнего в Душанбе был запущен процесс по превращению его в полноправного члена ШОС)⁷⁵.

С проблематикой обеспечения военно-политической стабильности в регионе ЦА и защиты интересов национальной безопасности России в контексте обострения ситуации в Афганистане теснейшим образом связана и проблема наркотрафика. Отечественные и американские специалисты отмечают, что Афганистан — крупнейший в мире производитель опиума, который в свою очередь перерабатывается в героин. На сегодняшний день в стране сосредоточено до 82% мирового производства опиума, а доля «опиумной экономики» составляет до 30% ее ВВП [Елагин, Мамедова, 2020: 141]. По некоторым оценкам, 75–80 тонн героина ежегодно попадало из Афганистана в Таджикистан и затем в РФ и страны Евросоюза, а также в Китай. Считается, что этому способствует отсутствие границ между членами ЕАЭС⁷⁶.

Производство наркотических средств, особенно в последние 20 лет, стало одним из важнейших сегментов экономики Афганистана, от которого зависит повседневная жизнь значительной части населения страны, а также одним из основных источников коррупции⁷⁷. Как отмечается в исследовании Гудзоновского института, производство опиума в Афганистане достигло таких масштабов, что деформировало экономику и политический режим страны, и в США не распознали вовремя эту опасность⁷⁸.

При этом прогнозируется, что с ростом производства синтетических наркотиков в США и других западных странах может резко упасть спрос на героин вплоть до «коллапса на рынке опиатов», который в свою очередь вызовет «гуманитарный кризис» в Афгани-

⁷⁵ Тищенко М. Сломали Эмомали. Таджикистан в одиночестве выступил против талибов и оказался бессилем // Медиазона. 23.09.2021. Доступ: <https://mediazona.ca/article/2021/09/23/againsttalib> (дата обращения: 24.09.2021).

⁷⁶ Reyrouse S. Drug trafficking in Tajikistan: A very deep but not incurable evil // Georgetown Journal of International Affairs. 01.03.2018. Available at: <https://www.georgetownjournalofinternationalaffairs.org/online-edition/2018/3/1/drug-trafficking-in-tajikistan-a-very-deep-but-not-incurable-evil> (accessed: 10.09.2021).

⁷⁷ Greenfield W.A., Pardo D., Taylor J. Afghanistan in the era of fentanyl // RAND Corporation. 10.07.2021. Available at: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA1088-1.html> (accessed: 10.09.2021).

⁷⁸ Walters J.P. American security twenty years after 9/11 // The Hudson Institute. 09.09.2021. Available at: <https://www.hudson.org/research/17252-american-security-twenty-years-after-9-11> (accessed: 10.09.2021).

стане. Упоминается, что в 2000–2001 гг. «Талибан» объявил запрет на выращивание опийного мака, и на короткое время это привело к падению производства опиатов на 95%. Позднее этот запрет перестал действовать, новое центральное правительство Афганистана не смогло контролировать нелегальное выращивание опиумного мака, которое продолжало нарастать значительными темпами⁷⁹. По ряду оценок, 90% населения в Афганистане живет ниже уровня бедности; 30% жителей страны хронически недоедают; потенциальный запрет на производство наркотиков считается взрывоопасным для «Талибана», особенно с учетом прекращения большой помощи со стороны Международного валютного фонда, Мирового банка, США, ЕС, Индии⁸⁰. Д.П. Елагин и Н.М. Мамедова оценивают зависимость доходов бюджета Афганистана от внешних доноров более чем на 60% [Елагин, Мамедова, 2020: 246].

Как следствие, для Российской Федерации и сам факт захвата власти в Афганистане движением «Талибан», и указанные объективные экономические и социальные проблемы, с которыми неизбежно столкнется новое правительство (как бы к нему ни относилось международное сообщество), неминуемо означают появление нового комплекса вызовов и угроз у своих границ. К тому же не следует недооценивать воздействие стремительной победы талибов на различные джихадистские группировки в других странах региона.

Международно-политические последствия кризиса в Афганистане в зеркале оценок зарубежных экспертов

События в Афганистане стали объектом самого пристального внимания и зарубежных экспертно-аналитических центров, спровоцировав настоящий шквал публикаций.

Практически все аналитики сходятся во мнении, что произошло полное «обнуление» 20-летних усилий Соединенных Штатов и ряда других западных государств по созданию в Афганистане институтов и механизмов власти по западному образцу. Как отмечается в публикации Стэнфордского университета, политика США в Афганистане была «чрезмерно амбициозной», со слишком большим вовлечением в

⁷⁹ Ibid. P. 80.

⁸⁰ Felbab-Brown V. Will the Taliban regime survive? // Brookings. 31.08.2021. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2021/08/31/will-the-taliban-regime-survive/> (accessed: 16.08.2021).

дела этого государства, с продвижением «американских ценностей» и западной идеологии»⁸¹.

Многие американские политики (начиная с бывшего президента США Д. Трампа) и эксперты небезосновательно говорят о том, что фиаско в Афганистане наносит серьезный ущерб доверию к Соединенным Штатам со стороны их союзников и партнеров. В связи с этим поднимается вопрос о необходимости наращивания усилий Вашингтона в первую очередь на индо-тихоокеанском направлении с целью продемонстрировать надежность американских обязательств в отношении Тайваня и Южной Кореи перед лицом всё более напоистой внешней политики Китая⁸².

В одной из публикаций влиятельной RAND Corporation за авторством бывшего помощника президента США Дж. Доббинса отмечается, что в Вашингтоне в какой-то момент возобладала точка зрения, будто афганская ситуация «не имеет военного решения». Как показали действия талибов, это не соответствовало действительности. Частичный вывод американских войск из Афганистана в апреле 2021 г. уже можно было расценивать как «победу талибов и поражение Соединенных Штатов», как удар по американскому авторитету, по надежности американских гарантий повсюду в мире, а также как стимул к усилению террористической угрозы из Афганского региона. В этой работе говорилось и о возможности возврата США и их союзников туда в будущем, но уже на менее выгодных условиях⁸³.

Подобные оценки разделяют и целый ряд западных политиков. Так, министр обороны Великобритании Б. Уоллес осудил заключение США соглашения с талибами, заявив: «Сделка была гнилой, у нее были недостатки <...>. Мы, наверное, вернемся [в Афганистан. — З.К.] через 10 или 20 лет»⁸⁴. Руководитель разведывательного управ-

⁸¹ Mir S.A. Biden didn't see the ISIS-K threat in Afghanistan until too late // Center for International Security and Cooperation. 31.08.2021. Available at: <https://cisac.fsi.stanford.edu/news/biden-didn't-see-isis-k-threat-afghanistan-until-too-late> (accessed: 09.09.2021).

⁸² Harold S.W. Reinforcing U.S. deterrence in the Indo-Pacific after the fall of Afghanistan // RAND Corporation. 03.09.2021. Available at: <https://www.rand.org/blog/2021/09/reinforcing-us-deterrence-in-the-indo-pacific-after.html> (accessed: 14.09.2021).

⁸³ Dobbins J. Biden's withdrawal from Afghanistan is a decision to lose // The Hill. 26.04.2021. Available at: <https://thehill.com/opinion/national-security/550158-bidens-withdrawal-from-afghanistan-is-a-decision-to-lose> (accessed: 09.09. 2021).

⁸⁴ Глава Минобороны Великобритании рассказал о попытках сохранить войска НАТО в Афганистане // Коммерсантъ. 10.08.2021. Доступ: <https://www.kommersant.ru/doc/4936940> (дата обращения: 19.08.2021).

ления Пентагона С. Бертер считает, что террористы «Аль-Каиды» могут восстановить в Афганистане свой потенциал для ударов по США в течение 1–2 лет⁸⁵.

В материале Исследовательской службы Конгресса США отмечается, что на территории современного Афганистана продолжают действовать такие экстремистские и террористические организации, как «Аль-Каида», «Исламское государство — Хоросан», «Исламское движение Узбекистана», «Сеть Хаккани» (полуавтономный компонент «Талибана»), «Исламское движение Восточного Туркестана»⁸⁶ и т.д.⁸⁷

В этой связи эксперт Белферовского центра Гарвардского университета Н. Азизян пишет, что все связанные с «Аль-Каидой» террористические группы видят в победе талибов «триумф глобального джихада» и «новую эру в правлении исламистов». В частности, по словам аналитика, «Хайатт Тахрир аль-Шам»⁸⁸ в Сирии и «Техрик-е Талибан Пакистан»⁸⁹ прямо заявляют, что действия талибов — это модель, которой надо следовать [Azizian, 2021].

Много внимания уделяют западные эксперты и оценке того, как отразится приход к власти талибов в Афганистане на региональных и глобальных позициях Российской Федерации. В материале авторитетного Международного института стратегических исследований отмечается, что крах проамериканского режима в Афганистане открывает новые возможности для России по ослаблению позиций Запада. В то же время говорится о том, что для Москвы в связи с этим возникают и дополнительные серьезные проблемы, связанные, в частности, с потенциальной уязвимостью важных партнеров РФ в ЦА, особенно Таджикистана и Узбекистана⁹⁰. Сотрудники германского Института исследований в области международных

⁸⁵ В американской разведке рассказали об угрозе атак со стороны «Аль-Каиды» через 1-2 года // РБК. 14.09.2021. Доступ: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6140fa729a79476a126f8466?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 19.09.2021).

⁸⁶ Террористические организации, запрещены в Российской Федерации.

⁸⁷ Thomas C. Terrorist groups in Afghanistan // Congressional Research Service. 17.08.2021. Available at: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10604> (accessed: 15.09.2021).

⁸⁸ Террористическая организация, запрещена в Российской Федерации.

⁸⁹ Террористическая организация, запрещена в Российской Федерации.

⁹⁰ Gould-Davies N. Russia: Opportunity to exploit weakened Western resolve // International Institute for Strategic Studies. 20.08.2021. Available at: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2021/08/afghanistan-taliban-region-response> (accessed: 21.08.2021).

отношений и безопасности считают, что у Запада, в отличие от КНР, Пакистана и России, будут весьма ограниченные возможности влиять на положение дел в Афганистане⁹¹.

В публикации аналитика RAND Corporation Д. Массикот выражаются сомнения относительно того, что Россия будет использовать на территории Афганистана (по договоренности с афганскими властями) свои силы специальных операций для борьбы с террористической организацией «Исламское государство — Хоросан»⁹².

Можно сопоставить эти оценки западных экспертов со взглядами представителей региональных держав, чьи интересы оказываются непосредственно затронуты событиями в Афганистане. Так, победа «Талибана» вызвала серьезную обеспокоенность в Индии. Р. Рой-Чандхури в публикации Международного института стратегических исследований писал, что для Дели это означает «колоссальную утрату влияния», поскольку подразумевает укрепление позиций Пакистана, который давно имеет тесные связи с «Талибаном» по линии контактов межведомственной разведки с его радикальной фракцией «Сеть Хаккани». К тому же приход к власти талибов связывается с угрозой превращения Афганистана в плацдарм для террористических атак против самой Индии⁹³.

Эксперты влиятельного индийского Института оборонных исследований и анализа напоминают, что в период предыдущего правления талибов в 1996–2001 гг. в Афганистане сложилась «экосистема», крайне благоприятная для деятельности различных международных террористических группировок. В Дели опасаются, что «джихадистская идеология» талибов может снова вдохновить различные исламистские группы в ЦА на то, чтобы активизироваться в регионе, как это было в 1990-е годы [Kumar, 2021]. При этом индийские эксперты не исключают и возможности начала гражданской войны в Афганистане с участием талибов и других

⁹¹ Schmitz A., Wagner Ch. The Taliban's chance // German Institute for International and Security Affairs (SWP). 01.09.2021. Available at: <https://www.swp-berlin.org/> (accessed: 02.09.2021).

⁹² Massicot D. Can a pragmatic relationship with the Taliban help Russia counter terrorism? // RAND Corporation. 08.09.2021. Available at: https://www.rand.org/pubs/external_publications/EP68716.html (accessed: 19.09.2021).

⁹³ Roy-Chandhury R. India: Seeking to redress its major loss of influence // International Institute for Strategic Studies. 20.08.2021. Available at: <https://www.iiss.org/blogs/analysis/2021/08/afghanistan-taliban-region-response> (accessed: 10.09.2021).

различных джихадистских организаций, а также распространения этого конфликта на другие страны ЦА.

В пакистанских публикациях в свою очередь отмечается, что во время нахождения проамериканского режима у власти в Кабуле США предоставили полную «свободу рук» индийским спецслужбам для их действий с территории Афганистана против Исламабада. Сама же Индия, по пакистанским данным, вложила многие миллиарды долларов, помогая тому правительству, которое свергли талибы⁹⁴.

Можно заключить, что в настоящий момент эксперты в целом сходятся во мнении, что международно-политические последствия недавних событий в Афганистане носят весьма масштабный и глубокий характер и неизбежно отразятся на интересах целого ряда региональных и внерегиональных игроков. При этом зарубежные аналитики особое внимание уделяют в этой связи позиции России в силу как продолжающейся конфронтации между ней и странами Запада, так и ее особых связей с государствами ЦА — бывшими республиками СССР.

* * *

Центрально-Азиатский регион, как и всё постсоветское пространство, является зоной особо важных интересов Российской Федерации, в том числе в сфере национальной безопасности. Москва глубоко заинтересована в сохранении светских режимов в этих государствах, дружественных по отношению к РФ. Это определяет характер взаимодействия России со странами региона как в двусторонних, так и в многосторонних форматах, особенно в рамках ШОС и ОДКБ; обуславливает заинтересованность Кремля в стабильной и предсказуемой военно-политической обстановке в ЦА. Решение этих задач требует привлечения значительных ресурсов со стороны России — финансово-экономических, политико-дипломатических, военных, культурно-гуманитарных. Россия со своими партнерами и союзниками уделяет повышенное внимание военно-политической обстановке в регионе, которая заметно усложнилась под влиянием событий в Афганистане в 2021 г. Эти события, имеющие едва ли не глобальный характер, еще раз подтвердили особую приоритетность центральноазиатского направления внешней и военной политики РФ.

⁹⁴ Khan A. Afghanistan: Where everyone's predictions went wrong // Pakistan Institute for Conflict and Security Studies. 16.08.2021. Available at: <https://www.picss.net/afghanistan-where-everyones-predictions-went-wrong/> (accessed: 20.08.2021).

Положение дел в Афганистане с высокой степенью вероятности чревато в том числе активизацией радикальных исламистских группировок, которые могут действовать на территории постсоветских стран ЦА. Эти группировки способны внедрять своих представителей в массу иммигрантов из государств региона, работающих на территории России, для экстремистских и террористических действий против нашей страны. Серьезное дестабилизирующее влияние на обстановку в ЦА может оказать и потенциальная проблема беженцев из Афганистана.

Большую озабоченность в связи с ситуацией в этой стране проявляют и целый ряд других региональных и внерегиональных игроков, прежде всего Китай, Пакистан, Иран, Индия, не говоря уже о таких граничащих с Афганистаном бывших республиках Советского Союза, как Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан. В то же время Соединенные Штаты, которые несут основную ответственность за нынешнее обострение ситуации в Афганистане, фактически бросили своих союзников в этой стране на произвол судьбы и не демонстрируют желания принимать активное участие в урегулировании кризиса в регионе. Однако, как с самого начала подчеркивало руководство Российской Федерации и что подтверждается реальной динамикой событий, без срочных и скоординированных усилий международного сообщества, в первую очередь наиболее заинтересованных государств, стабилизировать ситуацию в Афганистане и избежать гуманитарной катастрофы практически невозможно. Как показал проведенный анализ, основа для такого взаимодействия, обусловленная наличием объективных экономических и политических интересов, есть. Возникает вопрос: найдется ли политическая воля?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анашкина Е.Б. Интеграция государств Центральной Азии и позиция США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 51 (4). С. 34–45. DOI: 10.31857/S268667300014337-0.
2. Белобров Ю.Я. Военно-политическая кооперация государств в форматах СНГ и ОДКБ на современном этапе // Вестник Дипломатической академии МИД России. 2019. № 3 (21). С. 6–23.
3. Блохина А.О. Институциональные изменения и политическая стабильность в Киргизской Республике // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 6 (57). С. 102–115. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-6-57-102-115.

4. Виноградов А.В. Китайский проект для большой Евразии // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 2 (65). С. 1–15. DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.2.

5. Гегелашвили Н.А. Узбекистан и Казахстан — фокусные государства Центральной Азии в политике Вашингтона // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. № 51 (5). С. 51–68. DOI: 10.31857/S268667300014782-0.

6. Грозин А. Политика и интересы Ирана в Центральной Азии с учетом экономического и логистического факторов // Геоэкономика энергетики. 2020. № 3. С. 106–130. DOI: 10.48137/2687-0703_2020_11_3_106.

7. Елагин Д.П., Мамедова Н.М. Экономика Афганистана: Учебное пособие. М.: МГИМО-Университет, 2020.

8. Замараева Н.А. КНР и проблемы мирного урегулирования в Афганистане // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 3. С. 41–53. DOI: 10.31857/S013128120005264-1.

9. Зарудницкий В.Б. Факторы достижения победы в военных конфликтах будущего // Военная мысль. 2021. № 8. С. 34–47.

10. Зверев Р., Савин И., Беляев В. Российско-киргизские отношения: история и современность // Россия и новые государства Евразии. 2018. № 1. С. 106–125. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-1-106-125.

11. Интересы России в Центральной Азии. Содержание, перспективы, ограничители / Под ред. В.В. Наумкина. М.: Спецкнига, 2013.

12. Кадыржанов Р., Абдыкаимов Н. Формирование национальной идентичности Казахстана в контексте интеграционных отношений с Россией // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 3. Доступ: https://ca-c.org/online/2020/journal_rus/cac-03/04.shtml (дата обращения: 20.06.2021). DOI: 10.37178/ca-c.20.3.04.

13. Карякин В. Пантюркизм: цивилизационный проект современной Турции // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 21. № 3. С. 31–36. DOI: <https://doi.org/10.37178/ca-c.20.3.038>.

14. Кокошина З.А. Антитеррористические учения Шанхайской организации сотрудничества // Международная жизнь. 2018. № 9. С. 192–204.

15. Кокошина З.А. ОДКБ и ее роль в современной системе международных отношений. М.: ЛЕНАНД, 2018.

16. Кокошина З.А. Шанхайская организация сотрудничества и интересы национальной безопасности России. М.: ЛЕНАНД, 2016.

17. Кривопапов А.А. ОДКБ на исходе второго десятилетия своей истории // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 7. С. 126–134. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-126-134.

18. Кудяров К.А. Турецкая политика в Киргизии и ее влияние на внешнеполитическую стратегию России в Киргизской Республике: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2018.

19. Лексютина Я.В. Китайская инициатива «Пояс и путь»: вызовы и сложности реализации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2020. Т. 13. № 1. С. 4–19. DOI: 10.21638/spbu06.2020.101.

20. Малышев Д.В. Постсоветская Центральная Азия в фокусе интересов крупных азиатских государств (2019–2020 гг.) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 2. С. 82–99. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-5.

21. Малышев Д.В. Революционные события 2010 года в Киргизии: основные предпосылки и реакция мирового сообщества // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 1. С. 130–148.

22. Малышев Д.В. Террористическая угроза с постсоветского Юга (Центральная Азия и Кавказ) // Актуальные проблемы Европы. 2017. № 4. С. 163–187.

23. Морозов Ю.В. Центральная Азия как область столкновения стратегических интересов США, Китая и России // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 5. С. 6–19. DOI: 10.31857/S013128120012441-6.

24. Мубаракшин Б.Н. Подходы центральноазиатских республик к реализации регионального водохозяйственного комплекса // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6 (39). С. 101–107. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-6-39-101-107.

25. Мусави А.З., Курылев К.П. Политика и опиум: пути контрабанды наркотиков из Афганистана в Центральную Азию. М.: URSS, 2020.

26. Пархитко Н.П., Курылев К.П., Станис Д.В. Военно-политическое и военно-техническое сотрудничество государств Центральной Азии // Военная мысль. 2020. № 7. С. 22–39.

27. Попов Д.С. Центральная Азия во внешней политике США. 1991–2016. М.: РИСИ, 2016.

28. Россия — Средняя Азия. Т. 2. Политика и ислам в XX — начале XXI в. / Под ред. Ф.М. Мухаметшина. М.: ЛЕНАНД, 2011.

29. Рыбкин Р.Ю. Стратегия США в Центрально-Азиатском регионе // Управленческое консультирование. 2018. № 4. С. 182–187. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-4-182-187.

30. Тофан А.В. Стратегические интересы США, России и Китая в Центральной Азии на современном этапе // Интерактивная наука. 2016. № 10. С. 86–90. DOI: 10.21661/r-115199.

31. Хейфец Б.А., Степанов Н.С. Инициатива «Пояс и путь 2.0» и Россия // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 6. С. 34–49. DOI: 10.31857/S013128120007999-9.

32. Шлыков П.В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. № 1. С. 58–76. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76.

33. Шлыков П.В. Трансформация региональной политики Турции в условиях конкурентной полицентричности на Ближнем Востоке (2000–2010-е годы) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. Т. 11. № 2. С. 65–106.

34. Шукуралиева Н., Липинский А. Исламский экстремизм и терроризм в Центральной Азии: критический анализ // Центральная Азия и Кавказ. 2021. Т. 24. № 1. С. 120–132. DOI: 10.37178/ca-c.21.1.10.

35. Azizian N. Easier to get into war than to get out: The case of Afghanistan. The Belfer Center Science and International Affairs. JFK School. Harvard University. 2021.

36. Cordesman A.H. The new challenges to aid to Afghanistan. Center for strategic & international studies. 2021.

37. Emre Sucu A., Iskandarov O.I., Mahmudov R.B., Chernov D.N. Does Turkey have a Central Asian project? // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (3). С. 82–96. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-3-78-82-96.

38. Kumar D. Central Asia's Afghan predicament. Manohar Parrikar Institute for Defense Studies and Analyses. 2021.

REFERENCES

1. Anashkina E.B. 2021. Integratsiya gosudarstv Tsentral'noi Azii i pozitsiya SShA [U.S. foreign policy interests in the integration of Central Asian states]. *USA & Canada: Economy, Politics, Culture*, vol. 4, no. 51 (4), pp. 34–45. DOI: 10.31857/S268667300014337-0. (In Russ.)

2. Belobrov Yu.Ya. 2019. Voenno-politicheskaya kooperatsiya gosudarstv v formatakh SNG i ODKB na sovremennom etape [Military-political cooperation of states in the formats of the CIS and the CSTO at the present stage]. *Vestnik Diplomaticheskoi akademii MID Rossii*, no. 3 (21), pp. 6–23. (In Russ.)

3. Blokhina A.O. 2017. Institutsional'nye izmeneniya i politicheskaya stabil'nost' v Kirgizskoi Respublike [Institutional changes and political stability in the Kyrgyz Republic]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (57), pp. 102–115. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-6-57-102-115. (In Russ.)

4. Vinogradov A.V. 2021. Kitaiskii proekt dlya bol'shoi Evrazii [China's project for Greater Eurasia]. *International Trends*, vol. 19, no. 2 (65), pp. 1–15. DOI: 10.17994/IT.2021.19.2.65.2. (In Russ.)

5. Gegelashvili N.A. 2021. Uzbekistan i Kazakhstan — fokusnye gosudarstva Tsentral'noi Azii v politike Vashingtona [Uzbekistan and Kazakhstan as the focal states of Central Asia in Washington policies towards the region]. *USA & Canada: Economy, Politics, Culture*, no. 51 (4), pp. 51–68. DOI: 10.31857/S268667300014782-0. (In Russ.)

6. Grozin A. 2020. Politika i interesy Irana v Tsentral'noi Azii s uchetom ekonomicheskogo i logisticheskogo faktorov [Iran's policy and interests in Central

Asia, with regard to energy and logistical factors]. *Geoekonomika Energetiki*, no. 3, pp. 106–130. DOI: 10.48137/2687-0703_2020_11_3_106. (In Russ.)

7. Elagin D.P., Mamedova N.M. (eds.). 2020. *Ekonomika Afganistana* [The economy of Afghanistan]. Moscow, MGIMO-University Publ.

8. Zamaraeva N.A. 2019. KNR i problemy mirnogo uregulirovaniya v Afgani-stane [The PRC and problems of peaceful settlement in Afghanistan]. *Problemy Dalnego Vostoka*, no. 3, pp. 41–53. DOI: 10.31857/S013128120005264-1. (In Russ.)

9. Zarudnitskii V.B. 2021. Faktory dostizheniya pobedy v voennykh konfliktakh budushchego [Victory factors in future military conflicts]. *Voennaya mysl'*, no. 8, pp. 34–47. (In Russ.)

10. Zverev R., Savin I., Belyaev V. 2018. Rossiisko-kirgizskie otnosheniya: istoriya i sovremennost' [Russia–Kyrgyzstan relations: History and present day]. *Rossiya i novye gosudarstva Evrazii*, no. 1, pp. 106–125. DOI: 10.20542/2073-4786-2018-1-106-125. (In Russ.)

11. Naumkin V.V. (ed.). 2013. *Interesy Rossii v Tsentral'noi Azii. Soderzhanie, perspektivy, ogranichiteli* [Russia's interests in Central Asia. Content, prospects, constraints]. Moscow, Spetskniga Publ. (In Russ.)

12. Kadyrzhanov R., Abdykaimova N. 2020. Formirovanie natsional'noi identichnosti Kazakhstana v kontekste integratsionnykh otnoshenii s Rossiei [Kazakhstan: National identity in the context of integrational relationships with Russia]. *Central Asia and the Caucasus*, vol. 23, no. 3. DOI: 10.37178/ca-c.20.3.04. Available at: https://ca-c.org/online/2020/journal_rus/cac-03/04.shtml (accessed: 20.06.2021). (In Russ.)

13. Karyakin V. 2020. Pantyrkizm: tsivilizatsionnyi proekt sovremennoi Turtsii [Pan-Turkism: A civilizational project of modern Turkey]. *Central Asia and the Caucasus*, vol. 3, no. 3, pp. 31–36. DOI: 10.37178/ca-c.20.3.038. (In Russ.)

14. Kokoshina Z.A. 2018a. Antiterroristicheskie ucheniya Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva [Shanghai Cooperation Organization anti-terrorism exercises]. *The International Affairs*, no. 9, pp. 192–204. (In Russ.)

15. Kokoshina Z.A. 2018b. *ODKB i ee rol' v sovremennoi sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii* [CSTO and its role in the modern system of international relations]. Moscow, LENAND Publ. (In Russ.)

16. Kokoshina Z.A. 2016. *Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva i interesy natsional'noi bezopasnosti Rossii* [Shanghai Cooperation Organization and Russia's national security interests]. Moscow, LENAND Publ. (In Russ.)

17. Krivopalov A.A. 2021. ODKB na iskhode vtorogo desyatiletiya svoei istorii [CSTO: At the close of the second decade of its history]. *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 7, pp. 126–134. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-126-134. (In Russ.)

18. Kudayarov K.A. 2018. *Turetskaya politika v Kirgizii i ee vliyanie na vneshnepoliticheskuyu strategiyu Rossii v Kirgizskoi Respublike* [Turkish policy

in Kirghizia and its impact on the foreign policy strategy of Russia towards the Kyrgyz Republic]. PhD thesis. Moscow. (In Russ.)

19. Leksyutina Ya.V. 2020. Kitaiskaya initsiativa ‘Poyas i put’ : vyzovy i slozhnosti realizatsii [China’s Belt and Road Initiative: Challenges and difficulties in its implementation]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, vol. 13, no. 1, pp. 4–19. DOI: 10.21638/spbu06.2020.101. (In Russ.)

20. Malyshev D.V. 2021. Postsovetskaya Tsentral’naya Aziya v fokuse interesov krupnykh aziatskikh gosudarstv (2019–2020 gg.) [Post-Soviet Central Asia in the focus of interests of major Asian states (2019–2020)]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no. 2, pp. 82–99. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-2-5. (In Russ.)

21. Malyshev D.V. 2011. Revolyutsionnye sobytiya 2010 goda v Kirgizii: osnovnye predposylki i reaktsiya mirovogo soobshchestva [The Kyrgyz revolution of 2010: Background and international reaction]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 1, pp. 130–148. (In Russ.)

22. Malyshev D.V. 2017. Terroristicheskaya ugroza s postsovetskogo Yuga (Tsentral’naya Aziya i Kavkaz) [Terrorist threats coming from the Post-Soviet Central Asia and the Caucasus]. *Aktual’nye Problemy Evropy*, no. 4, pp. 163–187. (In Russ.)

23. Morozov Yu.V. 2020. Tsentral’naya Aziya kak oblast’ stolknoveniya strategicheskikh interesov SShA, Kitaya i Rossii [Central Asia as an area of collision of strategic interests of the USA, China and Russia]. *Problemy Dal’nego Vostoka*, no. 5, pp. 6–19. DOI: 10.31857/S013128120012441-6. (In Russ.)

24. Mubarakshin B.N. 2014. Podkhody tsentral’noaziatskikh respublik k realizatsii regional’nogo vodokhozyaistvennogo kompleksa [Central Asian republic’s approaches to the development of the regional hydroeconomic sector]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 6 (39), pp. 101–107. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-6-39-101-107. (In Russ.)

25. Musavi A.Z., Kurylev K.P. 2020. *Politika i opium: puti kontrabandy narkotikov iz Afganistana v Tsentral’nyu Aziyu* [Politics and opium: Drug trafficking routes from Afghanistan to Central Asia]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)

26. Parkhitko N.P., Kurylev K.P., Stanis D.V. 2020. Voенно-politicheskoe i voенно-tekhnicheskoe sotrudnichestvo gosudarstv Tsentral’noi Azii [Military-political and military-technological cooperation of Central Asian States]. *Voennaya mysl’*, no. 7, pp. 22–39. (In Russ.)

27. Popov D.S. 2016. *Tsentral’naya Aziya vo vneshnei politike SShA. 1991–2016* [Central Asia in the US foreign policy. 1991–2016]. Moscow, RISI Publ. (In Russ.)

28. Mukhametshin F.M. (ed.). 2011. *Rossiya — Srednyaya Aziya. T. 2. Politika i islam v XX — nachale XXI v.* [Russia — Central Asia. Vol. 2. Politics and Islam in the 20th — early 21st centuries]. Moscow, LENAND Publ. (In Russ.)

29. Rybkin R.Yu. 2018. Strategiya SShA v Tsentral'no-Aziatskom regione [The US strategy in the Central Asian region]. *Administrative Consulting*, no. 4, pp. 182–187. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-4-182-187. (In Russ.)

30. Tofan A.V. 2016. Strategicheskie interesy SShA, Rossii i Kitaya v Tsentral'noi Azii na sovremennom etape [The strategic interests of the USA, Russia and China in the Central Asia at the present stage]. *Interaktivnaya nauka*, no. 10, pp. 86–90. DOI: 10.21661/r-115199. (In Russ.)

31. Kheifets B.A., Stepanov N.S. 2019. Initsiativa 'Poyas i put' 2.0' i Rossiya [Belt and Path 2.0 Initiative and Russia]. *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 6, pp. 34–49. DOI: 10.31857/S013128120007999-9. (In Russ.)

32. Shlykov P.V. 2017. Evraziistvo i evraziiskaya integratsiya v politicheskoi ideologii i praktike Turtsii [Eurasianism and Eurasian integration in the political ideologies and practice of Turkey]. *Comparative Politics Russia*, no. 1, pp. 58–76. DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-58-76. (In Russ.)

33. Shlykov P.V. 2019. Transformatsiya regional'noi politiki Turtsii v usloviyakh konkurentnoi polititsentrchnosti na Blizhnem Vostoke (2000–2010-e gody) [Competitive multipolarity in the Middle East and the transformation of Turkey's regional policies in the 2000s and 2010s]. *Moscow University Bulletin of World Politics*, no. 2, pp. 65–106. (In Russ.)

34. Shukuralieva N., Lipin'skii A. 2021. Islamskii ekstremizm i terrorizm v Tsentral'noi Azii: kriticheskii analiz [Islamic extremism and terrorism in Central Asia: A critical analysis]. *Central Asia and the Caucasus*, vol. 24, no. 1, pp. 120–132. DOI: 10.37178/ca-c.21.1.10. (In Russ.)

35. Azizian N. 2021. *Easier to get into war than to get out: The case of Afghanistan*. The Belfer Center Science and International Affairs, JFK School, Harvard University.

36. Cordesman A.H. 2021. *The new challenges to aid to Afghanistan*. Center for strategic & international studies.

37. Emre Sucu A., Iskandarov O.I., Mahmudov R.B., Chernov D.N. 2021. Does Turkey have a Central Asian project? *MGIMO Review of International Relations*, no. 14 (3), pp. 82–96. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-3-78-82-96.

38. Kumar D. 2021. *Central Asia's Afghan predicament*. Manohar Parrikar Institute for Defense Studies and Analyses.

Статья поступила в редакцию 02.09.2021; одобрена после рецензирования 02.11.2021; принята к публикации 18.11.2021.

The paper was submitted 02.09.2021; approved after reviewing 02.11.2021; accepted for publication 18.11.2021.